

ФИЛОСОФСКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА
ПРИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ

ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО БУДДИЗМА МАХАЯНЫ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОБЩЕСТВО
«ФО ГУАН» (СВЕТ БУДДЫ)

БУДДИЗМ В ПЕРЕВОДАХ

АЛЬМАНАХ

Выпуск 1

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

„АНДРЕЕВ И СЫНОВЬЯ“

1992

«Сутра о царевиче Судане» — памятник буддийской литературы, входящий в свод буддийских сочинений на китайском языке, или китайскую Трипитаку¹, в раздел «Первопричины» (Бэньюань), название которого происходит от санскритского «джатака» (jātaka). Джатаки представляют собой повествования о легендарных событиях из прошлых рождений Будды. В основе джатак — характерные представления буддизма о бесконечной цепи связанных между собой причинно-следственной зависимостью существований, через которые проходят все живые существа: характер каждого последующего перерождения любого живого существа определяется добрыми или злыми деяниями предшествующего перерождения (кармой).

Для композиции джатак характерен определенный план, который можно назвать «рамочной конструкцией»: после короткого рассказа о настоящем, дающего повод для изложения Буддой какого-либо эпизода из его прошлых рождений, излагается сам этот эпизод (он поглощает основной объем текста), что позволяет Будде на примере одного из своих собственных существований наставлять слушателей в нравственном поведении, щедрости к просящим, кротости и терпимости, воздержании от причинения вреда живым существам и в прочих добродетелях. Основное повествование связывается с коротким рассказом в начале сутры путем отождествления действующих лиц: так, один из героев, носитель высоких моральных качеств, объявляется Буддой в прошлых перерождениях; таким же образом устанавливаются соответствия с другими буддийскими «святыми» и всех остальных героев повествования Будды².

Одной из наиболее широко известных джатак называет повествование о царевиче Судане известный историк китайского буддизма Чэнь К. С³.

Существовало несколько переводов «Сутры о царевиче Судане» с санскрита на китайский язык; наиболее известным и традиционно предпочтительным является перевод, выполненный в эпоху Западной Цинь (385—437), а точнее в период между 388 и 408 гг. шраманом Шэн Цзянем, сведений о котором нам, к сожалению, обнаружить не удалось, за исключением того, что, кроме перевода указанного сочинения, ему принадлежат переводы еще девяти сочинений.

Стремясь к наиболее точной передаче оригинала, мы прибегаем к квадратным скобкам ([ ]), когда отсутствующие в подлиннике слова необходимы для связной русской фразы.

Во избежание монотонности перевода одно и то же китайское слово или выражение, повторяющееся в близком контексте, может передаваться по-русски синонимичными словами или выражениями.

В отдельных случаях, когда предложенная интерпретация текста оригинала по каким-то причинам вызывает у переводчика сомнение, предлагаемый перевод является предположительным, что отмечается знаком вопроса (?).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Заново составленная Трипитака годов Тайсё. Токио, 1924—1929, № 171. С. 419—424.

² Подробная характеристика особенностей джатак как жанра буддийской литературы дана в Предисловии О. Ф. Волковой в кн.: Арья Шура. Гирлянда джатак, или сказания о подвигах бодхисаттвы. Перевод с санскрита А. П. Баранникова и О. Ф. Волковой. Предисловие и примечания О. Ф. Волковой: М., 1962.

³ Ch'en K. S. Buddhism in China. A Historical Survey. Princeton, 1964, с. 176—177.

СУТРА О ЦАРЕВИЧЕ СУДАНЕ ¹

Так я слышал. Однажды Будда в царстве Шравасты ², в саду Джета, который предоставил ему Анантхапиндада ³, с бесчисленными монахами и монахинями, послушниками и послушницами сидел среди своих учеников четырех категорий ⁴. В то время Будда улыбнулся, и изо рта его стали исходить разноцветные лучи. Ананда ⁵ поднялся со своего места, одернул платье, почтительно сложил ладони, преклонив колени, выпрямился и обратился к Будде: «Я в течение двадцати с лишним лет служил Будде, но никогда не видел, чтобы Будда улыбался так, как сегодня. Ведь нынешний Будда помнит Будд прошлого, будущего и настоящего. Он один должен владеть [всем] смыслом. Я жажду услышать его [мудрость]». Будда сказал Ананде: «Я вовсе не вспоминаю Будд прошлого, будущего и настоящего; я сам вспоминаю историю об обретении просветления через даяния ⁶, которая произошла в прошлом, тому назад бесчисленные кальпы ⁷. Ананда спросил Будду: «Что это за история об обретении просветления через даяния?»

Будда сказал: «В глубокой древности, не сосчитать во времена каких кальп, существовало могущественное государство, именовавшееся Ебо, а правителя его звали Шибо. По справедливым законам он правил государством, зря народ не обижая. Было у правителя четыре тысячи важных сановников; подвластны ему были шестьдесят малых государств и восемьсот посе-

лений. [А еще] были у него большие белые слоны числом в пятьсот голов. Обладал правитель двадцатью тысячами жен, но [при этом] у него совсем не было детей. Правитель сам молился и приносил жертвы всем духам, а также горам и рекам. И вот главная жена почувствовала, что понесла. Правитель сам лично заботился о жене, чтобы постель ее была мягкой, а пища и питье изысканными. Прошло десять месяцев, и родился наследник. Когда во дворце услышали о рождении царевича, все двадцать тысяч жен возликовали и запрыгали от радости, а из их грудей самопроизвольно потекло молоко. По этой причине назвали царевича Суданой. Четыре няньки-кормилицы заботились о царевиче: среди них была та, которая кормила грудью, и та, которая носила на руках, и та, которая купала, и та, которая водила на прогулки и развлекала. К шестнадцати годам царевич был совершенен в письме, счете, стрельбе, управлении лошадьми, в [знании] церемоний и музыки. Царевич служил родителям, как служат духам небесным. Правитель возвел для него отдельный дворец. Уже с детства царевич любил постоянно раздавать милостыню всем людям, пернатым, зверям, желая, чтобы все живущие существа постоянно обретали бы свое благо. Глупцы алчны, не желают раздавать милостыню. Заблудшие вследствие невежества обманываются, не принося себе пользы. Мудрые же, живущие в мире, те знают, что раздача милостыни есть благодать. Мужей, раздающих милостыню, [все] вместе восхваляют будды прошедшего, будущего и настоящего, пратьекабудды⁸ и архаты⁹.

Когда царевич стал взрослым, Великий Правитель нашел ему жену; жену звали Маньди, она была дочерью правителя государства. Не было второй такой по честности и прямоте. [Царевич украсил] ее чудесным ожерельем из хрусталя, золота, серебра и разных других драгоценностей. Были у царевича сын и дочь. Стал царевич про себя размышлять: «Я намерен заниматься обретением просветления через даяния». И сказал царевич правителю: «Я намерен отправиться странствовать». Правитель разрешил ему, и царевич тут же покинул город. Небесный владыка спустился [на землю], приняв облик нищих, глухих, слепых, немых — все они разместились у дороги. Увидев это, царевич повернул колесницу и вернулся во дворец; он погружился в уныние и больше не наслаждался весельем. Правитель спросил у царевича: «Ты отправился странствовать и вернулся обратно, почему же ты не наслаждаешься весельем?» Царевич [на это] отвечал: «Только я пустился в странствия, как увидел [массу] нищих, глухих, слепых, немых людей, поэтому-то я и впал в горестное уныние. Я хочу обратиться к правителю с одним желанием, но не уверен, исполнит ли его правитель». Правитель отвечал: «Какие бы ни были желания, чего бы ты ни попросил, я не стану препятствовать твоим намерениям». Царевич произнес: «Я хотел бы получить драгоценные сокро-

вища, хранящиеся в Сокровищнице Великого Правителя, разложить [их] за четырьмя городскими воротами и на городской площади раздавать в виде милостыни; и чего бы кто ни попросил, никому не откажу в его желании». И сказал правитель царевичу: «Следуя твоему желанию, не стану тебе противодействовать». Тут же царевич велел своим приближенным взять сокровища, разложить их за четырьмя городскими воротами и на городской площади раздавать в виде милостыни. И кто бы чего ни пожелал, никому в его желании не отказывали. В восьми сторонах света не было таких, которые бы не слышали о благих заслугах царевича. Со всех дальних [уголков], и что за сто ли шли люди, и что за тысячу ли шли люди, и что за десять тысяч ли шли люди. Тех, кто хотел есть, кормили; кто нуждался в одежде, получал ее; кто хотел получить золотые и серебряные драгоценности, в соответствии с их желаниями получали их. Желавшим получить [что-либо] не было отказано в их желаниях.

И нашелся тогда во враждебном государстве злой враг. Услышав, что царевич очень любит раздавать милостыню и что бы кто ни попросил, никому не отказывает, он тут же собрал своих приближенных и всех монахов, и все вместе стали держать совет: «У правителя государства Ебо есть белый слон, который передвигается по цветку лотоса, зовут его Сюйтаньянь; он очень силен и воинственен. Всякий раз в сражениях с другими государствами этот слон постоянно побеждает. Кто отправится просить его?» Сановники все, как один, сказали: «Нет того, кто бы мог пойти и добыть [слона]». Но было среди [собравшихся] восемь монахов, они-то сразу предложили правителю: «Мы можем пойти попросить его, но дай нам провианта на дорогу». Правитель снабдил их [на дорогу] и при этом сказал: «Если сможете добыть слона, я вас щедро вознагражу». И все восемь монахов сразу же, взяв посохи, пустились в путь. Ехали далеко, через горы и реки, пока добрались до государства Ебо. Подошли к воротам дворца царевича, одновременно подвесили свои посохи и остановились, подняв одну ногу в направлении ворот. В это время к царевичу вошел привратник и доложил: «Там за воротами монахи: у всех подвешены посохи, и все стоят, подняв одну ногу. Сам объясняю [это так]: поскольку издалека пришли, [значит] хотят что-то попросить». Услышав это, царевич очень обрадовался и вышел встретить их; он подошел [к ним] и воздал им почести, подобные тем, которые сын [воздает] при встрече с отцом. Затем он расспросил, откуда они пришли, не настрадались ли в пути, чего хотели просить и почему подняли одну ногу? Восемь монахов отвечали: «Мы слышали, что царевич любит раздавать милостыню, и о чем бы его ни просили, он никому не отказывает в желаемом, и славное имя царевича звучит во [всех] восьми концах света, наверху достигая небес, а внизу — загробного мира. Бла-

гостные заслуги его в раздаче милостыни неизмеримы. [Ему] поют хвалебные песни в дальних и ближних [краях]. И нет таких, которые бы [о нем] не были наслышаны. Говорят, что царевич искренен, не фальшив и ныне считается сыном небожителей. А речи небожителей не бывают обманными. И если теперь царевич действительно может раздавать милостыню, не отказывая ничьим желанием, мы намерены попросить у царевича в виде милостыни белого слона, что передвигается по цветку лотоса». Тут же царевич повел их в слоновник и велел вывести слона. Восемь монахов сказали: «Мы хотим получить именно [этого] белого слона по имени Сүйтаньянь, что передвигается по цветку лотоса». Царевич сказал: «Этого большого белого слона очень любит и ценит мой отец. В отношении к белому слону правитель не делает разницы между ним и мною. Я не могу отдать вам его. Если я отдам его, то лишусь благоволения правителя. Боюсь, из-за этого слона меня могут изгнать из страны». А про себя царевич подумал: «[А ведь] поначалу я имел намерение, раздавая милостыню, не отказывать ничьим желанием. Если же я теперь не отдам [слона], то нарушу свой первоначальный замысел. Если я не отдам в виде милостыни этого слона, то как же достигну стремления перейти предел [высшего спокойствия] непревзойденной мудрости? Если же удовлетворить [их просьбу], то следует отдать им [слона] и этим достичь стремления перейти предел [высшего спокойствия] и непревзойденной мудрости». И царевич сказал: «Согласен! Прекрасно! Желая отдать вам [слона]». Тут же он приказал своим приближенным: «Украстье слона золотым седлом и поскорее выведите его». В левой руке царевич держал воду и лил на руки монахов¹⁰, а правой вел слона, чтобы вручить его. Взяв слона, [все] восемь монахов произнесли молитву с благопожеланиями царевичу. Закончив молитву, они все скопом взгромоздились на белого слона, радостные и довольные. Царевич сказал монахам: «Уходите поскорее, если правитель узнает [о случившемся], он отправит погоню и отнимет у вас [слона]». Тут же все восемь монахов поспешно отбыли. Когда же сановники государства [Ебо] узнали о том, что царевич в виде милостыни отдал врагу белого слона, все страшно перепугались. Они покинули свои ложа, погрузились в уныние, [забыли] радоваться. Они размышляли: «Государство в сражениях с враждебными странами только и опиралось, что на этого слона». Все сановники направились к правителю и сказали ему: «Драгоценного слона, с помощью которого государство отражало [нападения] врагов, царевич в виде милостыни отдал неприятелям». Услышав [такое], правитель испытал потрясение. Сановники же продолжали, обращаясь к правителю: «Ведь именно благодаря этому слону правитель обрел Поднебесную; этот слон превосходил силой шестьдесят слонов, а царевич отдал его неприятелям. Вызывает опасение, что можно лишиться го-

сударства, — как тогда быть? Царевич столь необуздан в раздаче милостыни, что сокровищницу в [один] день опустошил. Мы боимся, как бы не роздал он людям все государство вместе с женами и детьми». Услышав такие речи, правитель стал крайне невесел. Он позвал одного из сановников и спросил: «Правда ли, что царевич отдал недругам белого слона?» Сановник отвечал правителю: «Это правда: он отдал им [слона]». Услышав слова сановника, правитель испугался еще больше: он покинул свое ложе, уединился, перестал узнавать людей. Его окатили холодной водой, и прошло много времени, пока он пришел в себя. Приуныли все двадцать тысяч жен. Правитель стал держать совет со всеми сановниками, как быть с царевичем. Один из сановников сказал: «Поскольку нога [царевича] ступила в слоновник, надо отрубить ему ногу; рука его вела слона, [значит] надо отрубить ему руку; глаза [его] смотрели на слона, [значит] надо выколоть ему глаза». Кто-то сказал: «Надо отрубить ему голову». Сановники вместе держали совет, и каждый высказывался таким образом. Услышав такие высказывания, правитель очень опечалился и обратился к сановникам со словами: «Мой сын страстно предан Истинному Пути, с радостью раздает милостыню людям. Как же можно сдерживать его, запрещая ему это?» Среди них нашелся один мудрый сановник, он усомнился в [правильности] советов [других] сановников, [полагая], что не следует так поступать: «У правителя всего один сын, [правитель] очень любит его и дорожит им. Как же можно желать его казни? Между тем [у вас] возникла такая мысль». Знатный сановник сказал правителю: «Я и не посмею предложить Великому Правителю запретом помешать [деяниям] царевича. Пусть уж лучше изгонят его из государства и поселят на двенадцать с лишним лет в заброшенных полях, необитаемых горах. [Этим] можно добиться [его] раскаяния». Правитель последовал тому, что сказал знатный сановник, и тут же послал гонца призвать царевича: «Ты отдал недругам белого слона?» Царевич отвечал правителю: «[Да], действительно отдал его». Правитель спросил царевича: «Почему же ты отдал недругам белого слона, не сказав мне [об этом]?» Царевич отвечал: «Я уже до этого получил от правителя дозволение при раздаче милостыни никому не отказывать в желаемом, поэтому и не стал докладывать правителю». [На] это правитель сказал: «То, о чем ты тогда просил, касалось драгоценностей. Какое отношение имел к этому белый слон?» Царевич пояснил: «Все это — имущество, которым владеет правитель: почему же надо было исключать из него одного [слона]?» Правитель сказал наследнику: «Немедленно покидай государство: я ссылаю тебя на двенадцать лет в горы Таньтешань¹¹». Царевич отвечал [на это] правителю: «Я не смею противиться приказу Великого Правителя. Хотел бы [лишь] иметь возможность еще семь дней раздавать милостыню и раздать все личное имущество, тогда

уж и отправиться [в изгнание]». Правитель сказал: «Именно из-за того, что ты был неумен в раздаче милостыни, опустошил сокровищницу моего государства, лишил меня драгоценности, [с чьей помощью] я отражал врага, именно потому я изгоняю тебя. Не дам [тебе] еще семь дней заниматься раздачей милостыни. Поскорее уходи, не разрешаю тебе!» Царевич сказал правителю: «Не смею я противиться приказу Великого Правителя, но у меня есть личное имущество, хотел бы иметь возможность все его раздать, тогда уже уйти, не посягая более на богатства государства».

Все двадцать тысяч жен пришли к правителю и просили разрешить царевичу остаться на семь дней, а уж потом пусть покидает государство. Правитель обещал [исполнить их просьбу]. Царевич тут же разослал помощников объявить повсюду: тот, кто хочет получить богатство, пусть придет к воротам дворца и получит, что желает. Когда у людей есть богатство, они не могут его сохранять и потому следует [его] растрачивать. Со всех сторон люди приходили к воротам дворца. Царевич выставил для них угощение, раздавал драгоценности; [брали], кто что пожелает, и уходили. Через семь дней богатства [царевича] как не бывало. Бедняки стали богатыми. Народ ликовал и веселился.

Царевич сказал своей жене: «С болью, но выслушай, что я скажу: Великий Правитель изгоняет меня, [ссылая] на двенадцать лет в горы Таньтешань». Услышав такие слова, жена в растерянности и сильном испуге спросила царевича: «За какие же проступки правитель намерен так поступить?» Царевич объяснил: «Из-за того, что, слишком усердно раздавая милостыню, опустошил государственную казну и сильного белого слона отдал недругам. По этой причине правитель и приближенные к нему сановники разгневались и вместе изгнали меня». Маньди сказала: «Чтобы в государстве было изобилие, чтобы Великий Правитель, его приближенные сановники, чиновники и народ, большие и малые были безгранично богаты и веселы, надо лишь усердно всем вместе с упорством постигать в горах Истинный Путь». Царевич сказал: «Весьма трудно людям возыметь стремление поселиться в горах, где опасно, страшно: тигры, волки, свирепые звери могут быть очень страшны. Ты привыкла к изысканным удовольствиям (?); как же ты вынесешь такое? Во дворце у тебя одежда тончайшая, для сна (?) — полог, пища сладкая и вкусная, [такая], какую только пожелаешь. А ведь в горах постелью будет подстилка из травы, питаться придется плодами да кореньями. Разве сможешь ты этим быть довольна? А еще дожди и ветры, громы и молнии, туманы и росы — от [всего этого] у людей волосы дыбом становятся. [Там] холод — лютей холод, а жара — изнуряющая жара. И даже под деревьями не найти укрытия. А из земли торчат колючки дрека, острые камни, [ползают] ядовитые насекомые.

«Как ты сможешь это вынести?» Маньди [на это] отвечала: «К чему мне тончайшая одежда, мягкая постель и вкусная пища, если я должна расстаться с царевичем? Я никогда не смогу расстаться с тобой, я всегда буду следовать за тобой. Верным признаком царя служит его знамя, верным признаком огня — дым, обязательным признаком жены — ее муж. Моей опорой являешься только ты, царевич. Именно тебя, царевич, я считаю [своим] небом. Когда, живя в государстве, царевич раздавал всем людям милостыню, я постоянно делала это вместе с царевичем. Теперь же, когда царевич отправится в дальние [края], если кто-нибудь придет и попросит у меня милостыни, как же я смогу удовлетворить его просьбу? Когда я услышу, что кто-то пришел и требует царевича, я испытаю чувство смертельного смятения». Царевич сказал: «Я люблю раздавать милостыню, никому не отказывая в желаемом: если придет ко мне кто-то и попросит сына или потребует дочь, я не смогу не отдать их. Если ты не согласна с тем, что я говорю, то приведешь в смятение мои добрые устремления и незачем тебе отправляться со мной». Маньди сказала: «Я согласна вслед за царевичем заниматься раздачей милостыни, не зная границ. Среди раздающих милостыню в мире нет равных царевичу». — «Если ты способна поступать таким образом, это прекрасно!»

Вместе с женой и двумя детьми царевич пришел к матери, попрощался и собрался уходить. Он сказал матери: «Я хотел бы дать несколько [добрых] советов Великому Правителю. Пусть правит государством, опираясь на праведный Закон, не проявляя жестокости в отношении к народу». Услышав такое прощание царевича, мать, взволнованная, загрустила, затосковала. Обращаясь к [своим] приближенным, она сказала: «Моя плоть подобна камню, а дух подобен твердому железу; в служении Великому Правителю я безгрешна. И вот у меня единственный сын, и он собирается покинуть меня. Может ли не разорваться мое сердце, [могу ли я] не погибнуть? Когда ребенок в утробе, он, подобно листьям дерева, растет днем и ночью. Я вскормила ребенка, и когда он стал взрослым, он покидает меня. Все жены будут ликовать — мой правитель больше не чтит меня. Если небо не отвернется от моих желаний, пусть сделает так, чтобы сын мой поскорее вернулся в свое государство». Царевич с женой и двумя детьми, оказав [положенные] почести родителям, двинулись в путь.

Каждая из двадцати тысяч жен дала царевичу по связке жемчуга, а четыре тысячи сановников составили цветок из семи сокровищ¹² и поднесли его царевичу. Царевич вышел за ворота города из северной части центрального дворца и роздал людям, [пришедшим] со всех четырех сторон, цветок из семи драгоценностей, [так что] тут же [от него] ничего не осталось. Чиновники и народ, большие и малые, десятки миллионов людей, провожая царевича, тайком рассуждали и осуждали правителя, говоря:

«Царевич, как совершенный человек, был душой государства. Как могли родители изгнать [из страны] столь драгоценного сына?» Все жалели его. За пределами городской стены царевич сел под деревом, поблагодарив, простился с теми, кто пришел его проводить, [и сказал], чтобы отсюда они возвращались обратно. Чиновники и народ, большие и малые, обливаясь слезами, возвращались обратно. Царевич же вместе с женой и двумя детьми сели в колесницу, он сам стал править, и они тронулись в путь.

Они были уже [довольно] далеко, когда остановились отдохнуть под деревом. Какой-то брахман подошел и попросил лошадь. Царевич разгрузил колесницу, выпряг лошадь и отдал ему. Обоих детей посадили в колесницу, жена толкала [ее] сзади, а он сам впрягся в оглобли и тянул колесницу — [так они] двинулись. Случилось так, что они снова встретили брахмана. Он попросил колесницу. Царевич отдал ему колесницу. И снова они двинулись вперед, и снова встретили брахмана. [Он] пришел просить... Царевич сказал: «Я не смогу отдать вам то, что люблю и жалею. Имущество мое иссякло». Брахман сказал: «Если нет имущества, отдай мне одежду, что на тебе». Царевич тут же снял с себя дорогой наряд и отдал ему, а сам переоделся в старое платье. Снова двинулись вперед и снова встретили брахмана, [он] пришел просить... Царевич отдал ему одежду своей жены. И снова двинулись вперед, и снова встретили брахмана, [он] пришел просить... Царевич отдал ему одежду обоих своих детей. Царевич роздал в виде милостыни все — колесницу, лошадь, деньги, имущество, одежду. И никогда не возникало у него [по этому поводу] ни малейшего сожаления. Сам царевич нес [теперь] на плечах сына, жена несла на плечах дочь. [Так] и пошли [дальше]. Царевич с женой и обоими детьми, довольные, с радостными лицами, следуя друг за другом, проникли в горы.

Горы Таньтешань удалены от государства Ебо на шесть с лишним тысяч ли, идти [до гор] от государства [Ебо] им было далеко. Шли через пустынные места (?) и болота, сильно страдали от голода и жажды.

Правитель Неба Трайястримшас¹³ Шакра немедленно превратил пустыни и болота в города с предместьями, поселки, улицы, переулки, увеселения, одежду, пищу. Люди, находившиеся в городе, вышли приветствовать царевича. Здесь можно бы остановиться и остаться — есть, пить, развлекаться.

Жена царевича сказала ему:

— В пути мы истощились до предела. Не могли бы мы здесь остановиться отдохнуть?

Царевич сказал:

— Правитель-отец отправил меня для поселения в горах Таньтешань; если я останусь здесь, то нарушу волю правителя-отца и не буду почтительным сыном.

И они тут же немедленно покинули город. Когда [они] оглянулись, этот город вдруг исчез. И снова они двинулись вперед, направляясь в горы Таньтешань. У подножия гор протекала большая река, такая глубокая, что вброд не перейти.

Жена сказала царевичу:

— Придется здесь остановиться: подождем пока река обмелеет, тогда и перейдем.

Царевич отвечал:

— Правитель-отец отправил меня для поселения в горах Таньтешань; если я останусь здесь, то нарушу волю правителя-отца и не буду почтительным сыном.

И царевич тут же вошел в [состояние] самадхи¹⁴ милосердия. И сразу же на середине реки выросла большая гора и, как плотина, перегородила реку. Царевич и его жена, подняв полы одежды, перешли [реку] вброд. Как только перешли, царевич тут же про себя подумал: «Если уйти, [оставив] в таком виде, то река, разлившись, уничтожит людей и все летающее и ползающее».

Царевич, обернувшись назад, тут же снова обратился к реке:

— Пусть течет, как прежде. А если кто-то пожелает прийти ко мне, всем дать возможность перейти вброд.

Только царевич произнес это, река потекла, как прежде.

Они двинулись вперед, в горы Таньтешань. Царевич увидел горы — крутые, скалистые, деревья в пышном цвету, всевозможные птицы печально поют. Струящиеся ручьи, чистые пруды. Вкусная вода, сладкие плоды. Дикие утки и гуси, зимородки, утки-мандаринки — разнообразные и весьма многочисленные.

Царевич сказал жене:

— Смотри, в этих горах деревья достигают неба и не ломаются. Пей из этого прекрасного ручья, ешь эти сладкие плоды.

Но есть в этих горах еще и те, что постигают Истинный Путь. Когда царевич пришел в горы, все звери в горах очень обрадовались; [они] вышли встретить и приветствовать царевича.

Был в горах некий отшельник по имени Ачжоуто¹⁵, лет ему было пятьсот, обладал он чудесной благодатью. Царевич воздал ему почести и, отступив, остановился и обратился со словами:

— В каком месте можно обосноваться в горах, где были бы сладкие плоды и родниковая вода?

Ачжоуто сказал:

— В этих горах всюду благословенная земля — в любом месте можно обосноваться.

Монах продолжал:

— Эти горы — место очищения. Почему ты пришел сюда с женой и детьми, собираясь постигать Путь?

Царевич еще не [успел] ответить, как Маньди обратилась к монаху:

— Сколько лет вы здесь постигаете Путь?

Монах отвечал:

— В этих горах я нахожусь лет четыреста—пятьсот.

Маньди рассуждала:

— Применительно к [таким] людям, как я, мы, сколько времени потребуется, чтобы постичь Путь? Разве, находясь в горах так же долго, как деревья, не [можете] рассчитать [сколько понадобится времени] таким, как я, мы, чтобы постичь Путь? (?)

Монах сказал:

— О таких вещах я, право, не имею понятия.

Царевич тогда спросил монаха:

— Слышал ли ты о наследнике правителя государства Ебо [царевиче] Судане?

Монах отвечал:

— Я неоднократно слышал о нем, но никогда его не видел.

Царевич сказал:

— Я как раз и есть царевич Судана.

Монах спросил царевича:

— Чего же ты ищешь?

Царевич отвечал:

— Я ищу Путь Большой Колесницы ¹⁶.

Монах сказал:

— Благостные заслуги царевича столь велики, что не требуется длительного времени, чтобы обрести Путь Большой Колесницы. Когда царевич достигнет Истинного Непревзойденного Пути, я стану первым учеником Беспрепятственного Проникновения ¹⁷.

И монах тут же указал царевичу место и сказал, [что там можно] обосноваться. Царевич, подчиняясь правилам для монахов, убрал волосы на голове в узел, испил родниковой воды, отведал фруктов и кореньев. Затем набрал хворосту и соорудил маленькую хижину. Тут же он сложил по хижине для Маньди и каждого из двоих детей — всего построил три хижины. Мальчик семи лет — его звали Ели, одетый в травяное платье ¹⁸, шел, сопровождая отца. Девочка шести лет — ее звали Цзинаянь, — одетая в платье из оленьей шкуры ¹⁹, шла, сопровождая мать.

В горах все звери радовались, надеясь на царевича. Царевич остановился [всего] на одну ночь, а из пустых, высохших прудов в горах забились источники, на всех деревьях-сухостоях появились листья и цветы, все ядовитые насекомые и звери исчезли, поедавшие друг друга хищники стали травоядными. Разнообразные плодовые деревья вдруг зацвели и стали плодоносить, птицы, [опьяненные] любовными призывами, пели и кричали.

Маньди стала собирать плоды, чтобы накормить царевича и детей. Дети тоже ушли [самостоятельно], оставив родителей. На берегу реки они стали играть с птицами и зверями. Иногда

[им] случилось заночевать [там]. Как-то мальчик Ели сел верхом на льва и стал резвиться. Лев подпрыгнул, Ели упал на землю, поранил лицо, потекла кровь. Обезьяна-макака тут же взяла древесный лист, вытерла кровь с лица, подвела [мальчика] к реке и омыла его водой. Наблюдая это издали, царевич сказал:

— А звери обладают твоим сердцем²⁰.

В ту пору в государстве Цзюлюго жил бедный брахман. В сорок лет он женился. Жена была весьма благочестива. А у брахмана было двенадцать скверн: тело было черным, как лак; на лице три отверстия; нос совершенно плоский; глаза впалые; лицо в морщинах; губы огромные; говорил, заикаясь; большущий живот; торчащий зад; ноги — колесом; голова лысая. Обликом подобен бесу.

У жены его были дурные мысли: произносила заклинания, жаждала, чтоб он умер. [Как-то] жена пошла зачерпнуть воды из колодца и встретила молодых людей. [Они] в шутку сказали, что ее муж²¹, видимо, смеется над ней. [Они] спросили:

— Ты столь благочестива, как же могла ты стать женой такого человека?

Женщина отвечала молодым людям:

— Этот старец с головой белой, как иней, сидит на дереве. А я с утра до вечера жажду, чтобы он умер. Однако ничего не могу поделать: он никак не желает умирать!

И женщина, набрав воды, заплакала навзрыд; при этом она сказала мужу:

— Я как раз набирала воду, когда эти юнцы хором осмеяли меня. Найди-ка мне служанку: если у меня будет служанка, то я больше не стану ходить за водой, и никто не будет надо мной смеяться.

Муж сказал:

— Я очень беден, откуда ж я возьму тебе служанку?

А женщина ему говорит:

— Если ты не раздобудешь мне служанку, я уйду, больше не стану жить с тобой.

Женщина [продолжала], обращаясь [к нему]:

— Я постоянно слышу, что царевич Судана был переселен в горы Таньтешань за то, что слишком щедро раздавал милостыню. А у него есть мальчик и девочка. Пойди и попроси ее.

Муж сказал:

— Горы Таньтешань находятся на расстоянии шести с лишним тысяч ли отсюда, а я никогда не ходил в горы. Где же я должен его искать?

Женщина сказала:

— Если не добудешь мне служанку, я покончу с собой.

Муж сказал:

— Лучше убей меня, но я не позволю, чтобы ты умерла.

Муж продолжал:

— Если ты хочешь, чтобы я отправился [в горы], дай мне на дорогу припасов.

Женщина сказала:

— Ступай, нет у меня припасов.

Брахман сам собрал себе припасы и отправился в путь.

Вслед за этим брахман направился прямо в государство Ебо, пришел к воротам дворца правителя и спросил у стражника:

— Где сейчас находится царевич Судана?

Стражник тут же пошел доложить правителю:

— За воротами какой-то брахман спрашивает царевича Судану.

Узнав, что кто-то разыскивает царевича, правитель, ощутив волнение и гнев, сказал:

— Только из-за таких я и изгнал царевича, а теперь этот человек снова приходит!

И правитель про себя произнес иносказание:

— Это подобно тому, что огонь и сам пылает, а в него еще подбрасывают хвороста. [То, что] я сейчас печалюсь и горюю, уподобляется тому, что огонь пылает; [то, что] кто-то пришел и спрашивает царевича, уподобляется добавлению в него хвороста.

Брахман сказал:

— Я пришел сюда издалека, прослышав о славе царевича: вверху она достигает голубых небес, внизу доходит до Желтого Источника²². Царевич в раздаче милостыни не отказывал ничьим желаниям, поэтому я и пришел издалека, хотел кое-что получить.

Правитель сказал:

— Царевич живет отшельником в горах, он очень беден; что же он сможет тебе дать?

Брахман отвечал:

— Пусть у царевича и нет ничего, я все же хочу его повидать.

Тогда правитель послал человека указать дорогу, и брахман тут же отправился в горы Таньтешань. Дошел до берега реки и как только подумал о царевиче, сразу смог перейти [реку].

Когда брахман пришел в горы, он встретил охотника и спросил его:

— Ты находишься в горах, не видел ли ты царевича Судану?

Охотник давно знал о том, что царевич был переселен в горы за то, что раздавал милостыню всем брахманам. Охотник тут же схватил брахмана, привязал его к дереву, исхлестал плетью, так что все тело было изранено. Понося [брахмана], [охотник] сказал:

— Я собирался выстрелить тебе в живот и съесть твоё мясо. Зачем ты спросил о царевиче?

Брахман про себя подумал:

«Ведь он меня сейчас убьет! Надо придумать какую-нибудь хитрость».

И тогда он сказал:

— Ты не хочешь ли меня спросить. . . ?

Охотник поинтересовался:

— О чем ты хочешь сказать?

Брахман отвечал:

— Правитель-отец, желая увидеть царевича, послал меня заставить царевича вернуться в страну.

Охотник немедленно освободил его и, напротив, проявил знаки вежливости (?). Он в самом деле не знал об этом. Тут же он указал местонахождение царевича. Брахман сразу же отправился к царевичу. Царевич издали увидел, что идет брахман, очень обрадовался, вышел встретить и оказать почести, затем стал расспрашивать:

— Откуда ты пришел? Не устал ли в пути? Чего ты ищешь?

Брахман отвечал:

— Пришел я издалека, все тело болит, очень голоден и томлюсь от жажды.

Царевич пригласил брахмана войти и сесть, достал фрукты, коренья, напитки и поставил перед ним. После того что брахман выпил воды, поел фруктов, он обратился к царевичу с [такими] речами:

— Сам я из государства Цзюлюго. Давно наслышан был про то, что царевич любит раздавать милостыню. Слава о нем разнеслась по десяти сторонам света. Я же очень беден и хочу [кое о чем] попросить царевича.

Царевич сказал:

— Я не дам тебе того, чего ты жаждешь. Все, что я имел, я уже роздал, и мне нечего дать [тебе].

Брахман продолжал:

— Если у тебя нет имущества, отдай мне двух твоих детей: они будут выполнять [мои] поручения и смогут содержать [меня] в старости.

И так он повторил трижды. Царевич сказал:

— Коль ты пришел издалека, как могу я не отдать тебе моих сына и дочь?

Дети в это время ушли гулять. Царевич позвал детей и сказал им:

— [Этот] брахман пришел издалека, чтобы попросить вас. Я уже пообещал ему, [так что] вы следуйте за ним.

Дети забрались к отцу подмышки, заплакали, приговаривая при этом:

— Мы не раз видели брахманов, но еще никогда не видели таких: это не брахман, это бес. Сейчас, [когда] наша матушка ушла собирать плоды и еще не вернулась, отец отдает нас на

съедение бесу, на верную смерть — в этом нет сомнений. И вот вернется наша матушка, станет искать нас, но не найдет. И будет это подобно тому, как корова ищет своих телят.

И они рыдали, проливая слезы, горевали. Царевич сказал: — Я ему уже пообещал, и этого не отменить. Это брахман, это не бес, и вовсе он вас не съест. Идите с ним.

Брахман сказал:

— Я бы хотел двинуться в путь; боюсь, вернется их мать, и тогда уже будет не уйти. Это ты, ведомый чувством милосердия, отдал мне их, а мать, вернувшись, разрушит твое милосердное устремление.

Царевич на это отвечал:

— Всю жизнь от рождения я раздавал милостыню и никогда не раскаивался в этом.

И царевич стал лить воду на руки брахману. Он подвел обоих [своих] детей и вручил их. Земля задрожала. Дети не желали следовать за [брахманом]. Они вернулись к отцу, опустились перед ним на колени и, обращаясь к нему, сказали:

— В чем мы согрешили в прежних перерождениях, за что сейчас подвергаемся таким мукам, что, будучи царского рода, должны стать кому-то слугами! Мы раскаиваемся в содеянном перед отцом: следуя такой [зависимости] причин и следствий, грехи уничтожаются, благоденствие появляется. И во веки веков не [должно] случиться такого.

Царевич сказал детям:

— Согласно [принципу] взаимной любви в Поднебесной все должны разлучаться, все непостоянно, как же можно [защищать] сохранение [прежнего]! Когда я постигну путь Высшего Спокойствия, я сам должен буду перевезти вас [на тот берег].

Дети сказали отцу:

— Поблагодари за нас матушку; сейчас мы навсегда расстанемся; жаль, что, не увидевшись [с ней], расстаемся. За наши прошлые прегрешения мы должны подвергнуться этим мукам. Думая о том, что матушка потеряла нас, печалимся и страдаем.

Брахман сказал:

— Я стар и слаб. Если каждый из детей, бросив меня, отправится к своей матери, как я найду их? Я должен привязать их к себе.

Тогда царевич, заломив детям руки, велел брахману самому связать их. Веревки следовало соединить и постоянно держать их концы. Дети не хотели следовать за [брахманом], и он хлестал их плетью, [так что] кровь лилась на землю. Царевич видел это, слезы его капали на землю, а земля превращала их в фонтан.

Царевич и все звери проводили обоих детей, а когда их уже не стало видно, вернулись. [Все время] звери сопровождали царевича, [потом] они вернулись к тому месту, где дети играли: они звали их, кричали, извивались, бросались на землю.

Брахман торопливо тащил обоих детей. По дороге мальчик обмотался своей веревкой вокруг дерева, не желая следовать [за брахманом] и надеясь, что придет мать. Брахман ударил его плетью. Дети сказали:

— Не бейте нас больше, мы сами пойдем.

Они устремили взгляд к небу, взывая:

— Вспомните и пожалейте нас! Сейчас мы должны отправиться в дальние края, быть кому-то слугами, не повидавшись с матерью, были с ней разлучены. Скажите-ка нашей матушке, пусть бросит плоды и поспешит повидаться с нами.

Матушка их, находившаяся [в это время] в горах, почувствовала зуд в левой стопе, да еще правый глаз задергался, а из обеих грудей потекло молоко. Мать про себя подумала: «Никогда еще не случались со мной такие странные [вещи]. К чему мне эти плоды? Нужно возвращаться и увидеть моих детей, а то может случиться, что их не окажется».

Поэтому она выбросила плоды и вернулась. В это время повелитель второго неба Трайястримшас Шакра узнал, что царевич отдал кому-то детей, но боится, что жена [может] погубить его добрые устремления. Тогда он принял облик льва и, усевшись на дороге, загородил проход. Женщина сказала льву:

— Ты являешься царем зверей, я — царским отпрыском у людей. Царевич вместе с детьми находится в горах. [Я] хотела бы, чтобы [ты] немного сдвинулся (?), чтобы [я] могла пройти. У меня двое детей, оба малолетние. С утра они не кормлены и думаю, они ждут меня.

Лев знал, что брахман уже далеко, поэтому он поднялся, освободив дорогу, дав возможность женщине пройти.

Она вернулась, увидела, что сидит один царевич, но не увидела детей. Она подошла к своей хижине, искала, но не увидела их, подошла к хижине детей, искала, но [снова] не увидела их. Пошла к тому берегу реки, где обычно играли дети, и там тоже не увидела их. Она лишь увидела, что там были птицы и звери, кабарги, олени, львы и обезьяны, с которыми они играли. Маньди вышла вперед, бросилась на землю, громко крича и плача. Вода в пруду, у которого играли [дети], иссякла.

Маньди вернулась к царевичу. Она спросила у царевича, где дети. Царевич не ответил. Маньди снова сказала:

— Сын издалека увидел, что я иду с плодами. Он торопил меня, я падала, снова поднималась, бежала вприпрыжку. Он звал: «Матушка, приходи повидать меня!» Когда сидели они слева и справа от меня, то, увидев пылинку на мне, они сметали ее. И вот теперь я не вижу сына. Сын также не пришел, чтобы поддержать меня, кому же было нести [плоды]? Если я сейчас не увижу его, сердце мое разорвется. Поскорее скажи мне, где [он] (?), не дай сойти с ума!

Так она повторила трижды. Царевич не отвечал. Слова Маньди становились все более горестными и негодующими:

— Если я не увижу своих детей, как же смогу [жить] дальше? Царевич не отвечает, заставляя меня еще больше впасть в замешательство.

Царевич сказал:

— Из государства Цзюлюго пришел некий брахман, попросил у меня детей, и я отдал ему.

Услышав слова царевича, жена его пришла в возбуждение, упала на землю, словно великая гора рухнула. [Она] извивалась, плакала, рыдала и не могла остановиться.

Царевич сказал:

— Успокойся! Знакома ли ты с основным требованием будды прошлого Дипамкары²³? В ту пору я был брахманом по второму имени Биндовэй, ты была женой брахмана, по второму имени Сюйтоло. У тебя были цветы, семь штук, у меня — серебряные монеты, их было пятьсот; я купил у тебя цветы и хотел осыпать ими Будду. Ты же подарила мне два цветка, чтобы я вручил Будде, и обратилась с такой просьбой:

— Хочу в последующем рождении навсегда стать вашей женой, не расставаясь, [независимо от того, будете ли вы] прекрасным или безобразным. Тогда я поставил перед тобой условие: если хочешь стать моей женой, ты должна следовать моим устремлениям и в раздаче милостыни не отказывать ничьим желаниям. И только родителей не отдавать в виде милостыни, в остальном же при раздаче во всем следовать моим устремлениям. Тогда ты ответила мне, что согласна. А что же теперь, когда я отдал детей, ты вносишь смуту в мое стремление творить милосердие.

У жены царевича, когда она услышала его слова, мысли успокоились, она узнала свое прошлое существование, согласилась с тем, что царевич раздает милостыню стремительно — именно так душе его угодно.

Небесный владыка Шакра, увидев, что царевич так раздает милостыню, спустился [на землю], дабы испытать царевича, узнать, к чему он стремится. Он принял облик брахмана с двенадцатью сквернами, явился к царевичу и сказал:

— Я постоянно слышу, что царевич любит раздавать милостыню, и кто бы о чем ни попросил, не отказывает ничьим желаниям. Поэтому явился сюда и хочу попросить твою жену.

Царевич ответил:

— Прекрасно! Можешь получить жену.

Жена сказала:

— Сейчас ты отдашь меня кому-то, а кто же будет заботиться о царевиче?

Царевич отвечал:

— Если я сейчас не отдам тебя в виде малостыни, как смогу достичь стремления перейти предел Высшего Спокойствия?

Царевич полил воду на руки брахмана, подвел жену и отдал ему. Шакра убедился в том, что у царевича нет и мысли о раскаянии. Все небожители славили и воспевали его; небо и земля содрогнулись.

В это время брахман ушел, уводя [за собой] жену [царевича]. [Однако] пройдя семь шагов, вдруг повернул и повел жену [царевича] обратно и отдал ее царевичу [со словами]:

— Не давай ее больше никому.

Царевич спросил:

— Почему ты ее не взял? Или есть в ней что-то дурное? Среди всех жен человеческих она самая прекрасная. В настоящем воплощении она — отпрыск правителя государства. У своего отца она — единственная дочь. Ради меня эта женщина бросалась в кипящую воду и пылающий огонь, [довольствовалась] убогой пищей и питьем, никогда не избегала того, что [требовало] быть старательной и аккуратной. Наружностью стройна и правильна [чертами]. Когда ты взял ее, я в душе был рад.

Брахман сказал царевичу:

— Я не брахман, я — небесный Повелитель Шакра, и потому пришел испытать тебя, [узнать], чего ты хочешь.

И он снова принял облик Шакры, благочестивый, дивно блистательный. Жена царевича воздала ему [положенные] почести и попросила исполнить три ее желания:

— Первое: заставить брахмана привести обоих моих детей и продать их обратно в наше государство. Второе: сделать так, чтобы дети мои не мучались от голода и жажды. Третье: сделать так, чтобы мы с царевичем могли вернуться в свою страну до истечения [назначенного] срока.

Владыка Небес Шакра сказал:

— Будет по-твоему.

Царевич [же] просил:

— Пусть все сущие твари освободятся от бремени суетного существования, пусть больше не будет страданий из-за рождения, болезней и смерти.

Владыка Небес Шакра [восхищенно] заметил:

— Сколь совершенно то, чего ты желаешь! Высота непревзойденная! Если пожелаешь возродиться на небе, быть Повелителем [пространства] между Солнцем и Луной, Владыкой мира, продлить срок жизни — все это в моих силах [сделать] для тебя, как скажешь. [Но если захочешь] стать самым Почитаемым во всех трех мирах — это не в моих силах.

Царевич сказал:

— Сейчас бы я хотел получить богатство, постоянно стремиться раздавать милостыню, [дабы] еще превзойти то, что было прежде. Хотел бы, чтоб правитель-отец и все его приближенные сановники вспомнили и подумали обо мне.

Небесный Владыка Шакра сказал:

— Все, что ты пожелал, непременно сбудется!

И вмиг он исчез.

Брахман из государства Цзюлюго отпустил детей домой. Жена противилась, ругала его:

— Можно ли выдержать [такое]: уже имея детей, возвращать их обратно? Эти дети — [отпрыски] царского рода, а ты не был милосерден к ним: у них свежие раны от побоев, а все тело гноится и кровоточит. Поскорее уведи их да расхваливай товар, [чтобы] продать. Или поищи кого бы послать²⁴. (?)

Исполняя то, что сказала жена, муж тут же отправился продавать детей. Небесный Владыка Шакра покружил по базару и сказал:

— Эти дети дорогие, и нет того, кто бы мог их купить.

Дети же в это время испытывали голод и жажду. Небо насытило их природной субстанцией (?). Небесный владыка просветил их стремления, и тогда они направились в государство Ебо. Узнав, что они дети царевича, внуки Великого Правителя, все знатные сановники, все жители государства [Ебо], взрослые и дети, кричали от горя. Сановники тут же стали расспрашивать, откуда [брахман] взял этих детей. Брахман сказал:

— Я сам попросил и получил их. К чему меня расспрашивать?

Сановники отвечали:

— Ты пришел в наше государство, и мы должны тебя расспросить.

Тут знатные сановники и народ захотели отнять у брахмана детей. Среди них был один домохозяин, [он] стал их убеждать:

— А ведь это стремление царевича к раздаче милостыни привело к такому. Если сейчас отнять детей, разве не разрушим этим исконное стремление царевича? Лучше доложить правителю: если правитель узнает, он сам их выкупит.

На том и остановились. Сановники доложили правителю:

— Вот сейчас брахман продает, расхваливая товар, обоих внуков Великого Правителя.

Услышав такое, правитель страшно встревожился и велел, чтобы брахман привел детей во дворец. У правителя, его жены, у всех приближенных, у [обитателей] гарема, придворных дам: перехватило дыхание, когда они издали увидели детей. Правитель спросил брахмана:

— Почему эти дети у тебя?

Брахман отвечал:

— Я выпросил их у царевича.

Правитель подозвал детей и хотел заключить их в свои объятия. Дети залились слезами, но бросаться в объятия не захотели. Правитель спросил брахмана:

— За сколько ты их продаешь?

Брахман еще не успел ответить, как мальчик сказал:

— Мужчина стоит тысячу серебряных монет да быков сто:

голов, женщина стоит две тысячи золотых монет да коров двести голов.

Правитель [удивленно] спросил:

— Ведь мальчиками люди дорожат: почему же мужчина [стоит] дешево, а женщина дорого?

Мальчик отвечал:

— Дамы из гарема и придворные дамы не являются родственниками правителя: некоторые из них [сумели] выбраться из [своего] низкого положения, некоторые стали просто женской прислугой; те же, кого правитель по своей воле удостоил благосклонности, обрели почет и знатность, одеваются в дорогие наряды, едят всевозможные яства. А сын у правителя всего один, и того он изгнал в горы. Сам правитель предается во дворце ежедневным развлечениям с придворными дамами и вовсе не вспоминает об устремлениях сына. Из этого ясно видно, что мужчины дешевы, а женщины дороги.

Услышав такие речи, правитель разволновался, загоревал, залился слезами... и сказал:

— Если я виноват перед тобой, то почему же ты не приходишь в мои объятия? Испытываешь ли ты ненависть ко мне? Или боишься брахмана?

Мальчик сказал:

— Я не смею враждебно относиться к Великому Правителю. И брахмана я не боюсь. Рожденный внуком Великого Правителя, я теперь раб-слуга. Как же можно, чтобы какой-то раб пришел в объятия правителя? По этой причине я и не смею.

Услышав речи мальчика, еще сильнее загоревал, затосковал правитель и в соответствии с тем, что сказал мальчик, возместил брахману стоимость [детей]. И снова позвал обоих внуков прийти в его объятия. И тогда дети подошли. Правитель заключил их в объятия, гладил их, спрашивая:

— Что ест-пьет в горах ваш отец? Во что одевается?

Дети отвечали:

— Ест плоды и коренья; сермяжная одежда служит ему нарядом и украшением. Разнообразные птицы услаждают, увеселяют его, и мыслей печальных у него вовсе нет.

Брахмана же правитель сразу велел отправить. [Однако] мальчик сказал правителю:

— Этот брахман сильно страдал от голода и жажды, я хочу поднести ему еды.

Правитель спросил:

— Неужели ты не питаешь к нему ненависти? Зачем же ты еще просишь для него пищи?

Мальчик отвечал:

— Мой отец стремится к Истинному Пути: когда у него больше не было имущества для раздачи милостыни, он отдал меня; и тогда этот [брахман] стал моим господином. Если бы я не подчинился его повелению, то этим разрушил бы устремле-

ния моего отца к Истинному Пути. А теперь, когда я вижу, что он голоден и испытывает жажду, как не проявить милосердных чувств? Мой отец даже сына отдал в виде милостыни брахману, неужели же Великий Правитель пожалеет одну порцию еды?

И тогда правитель дал брахману поесть. Брахман поел и радостный отправился домой.

Правитель отправил гонца, дабы немедленно встретить царевича и [просить] вернуться домой. Получив приказ, гонец двинулся [в путь], чтобы встретиться с царевичем. Дорогу преградила река, и он не мог ее перейти. Но стоило ему только подумать о царевиче, как сразу оказалось возможным перейти. [Гонец] объявил царевичу волю правителя: ему следует поскорее возвращаться на родину, правитель мечтает увидеть царевича. Царевич отвечал:

— Правитель переселил меня в горы сроком на двенадцать лет; мне остался еще год; по истечении года я сам вернусь.

Гонец возвратился и доложил правителю все как есть. Правитель тем не менее написал письмо [и отправил] для передачи царевичу:

— Ты — мудрый человек: посылают — надо терпеть, возвращают [обратно] — тоже надо терпеть. Отчего же гневаешься и не возвращаешься? Ты необходим мне, как пища и питье.

И гонец снова отбыл, взяв письмо. Царевич же, получив письмо, склонил голову до земли. Выполнив [положенные] церемонии, [царевич] отошел, сделал семь кругов, стал всматриваться [в окружающее] (?). Услышав, что царевич собирается возвращаться домой, все звери в горах стали метаться, извиваться, биться, громко кричать. Ручьи иссякли, у зверей не стало молока. Все птицы пели печальные песни — и все из-за того, что лишаются царевича. Царевич же облачился в платье и вместе с женой отправился обратно домой.

Недрузи из враждебного государства, услышав, что царевич возвращается домой, отправили посыльного надеть на белого слона седло и удила из золота и серебра, золотые патры наполнить серебряными зернами, серебряные патры наполнить золотыми зернами, чтобы, двигаясь по дороге навстречу царевичу, вернуть ему [все], поблагодарить, раскаявшись в содеянном, и сказать:

— Раньше я выпросил белого слона — и было это по причине моей глупости. Это из-за меня сослали царевича. Сегодня, узнав, что он возвращается, я ощутил в душе ликование. Сейчас я возвращаю царевичу белого слона; сверх того посылаю золотое и серебряное просо и хочу, чтобы он удостоил меня [честь] принять это, — тем самым снял бы с меня [мои] прегрешения.

Царевич отвечал:

— Предположим, кто-то приготовил разнообразные кушанья,

и тот, кому он их поднес, после того, что съел, изверг их наземь. Будут ли они после этого ароматными и чистыми? Можно ли будет снова их есть? Вот и то, что я раздавал в виде милостыни, можно уподобить извергнутой [пище] — я никогда не приму [розданного] обратно. Поскорее садись на белого слона и возвращайся [домой]; да поблагодари правителя вашей страны.

Посланец сел на слона и возвратился обратно; все, как было, доложил правителю.

Благодаря этому слону недруги из [некогда] враждебного государства преобразились, стали милосердными. У правителя государства и его народа появилось стремление перейти предел Высшего Спокойствия.

Встречать царевича выехал на слоне правитель-отец. Царевич вышел вперед, поклонился, оказал [положенные] почести и, следуя за правителем, вернулся домой. Весь народ страны ликовал, [люди] разбрасывали цветы, возжигали ароматические палочки, развешивали шелковые хоругви и зонты, ароматной жидкостью опрыскивали землю — ждали царевича. Войдя во дворец, царевич сразу направился к матери: поклонился, оказал [положенные] почести, стал расспрашивать, как она живет. Правитель одарил царевича сокровищницей драгоценностей, чтобы по своей воле он мог в будущем раздавать милостыню, [размерами] превосходящую [прежние]. И так, бесконечно раздавая милостыню, сам смог бы стать Буддой.

Будда сказал Ананде:

— В предшествующем существовании, раздавая милостыни, я поступал таким образом. Царевич Судана — это и есть я сам. Тот, кто тогда был правителем-отцом, — это в настоящем мой отец Шуддходана²⁵. Бывшая тогда матерью — это в настоящем Мая²⁶; бывшая тогда [главной] женой — это и есть Гопика²⁷; бывший тогда отшельником в горах [по имени] Ачжоуто — это есть Махамаудгальяяна; бывший тогда Небесным Владыкой Шакрой — это и есть Шарипутра; бывший тогда охотником — это есть Ананда; тогдашний мальчик Ели — это в настоящем мой сын Рахула²⁸; тогдашняя девочка Цзинаянь — это в настоящем матушка архата Малики; тот, кто тогда был брахманом, просившим мальчика, — это в настоящем Девадатта²⁹; та, что была женой брахмана, — это Сундари³⁰.

Так я страдал бесчисленные кальпы, творил добро также бесчисленные кальпы.

[Вам] следует, взяв эту сутру, рассказывать ее всем шраманам. Бодхисаттвы, осуществляя парамиты, таким образом раздают милостыню.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Судана* (санскр. *Sudāna*) — одно из предшествующих воплощений Будды. В переводе с санскрита Судана значит что-то вроде «превозносящий даяние», «искусный в даяниях». Много общего у царевича Суданы с главным

героем джатаки о Вишвантаре из книги «Гирлянда джатак» (см. примеч. 2 к предисловию). Сходство наблюдается и в сюжетных ходах обеих джатак, и в расстановке других действующих лиц. Можно предположить, что сутра о царевиче Судане и джатака о Вишвантаре представляют собой варианты некой общей основы.

² *Шраваста* (Sravasti) — сначала название города, бывшего столицей древнего индийского государства, затем так стало называться все государство. В переводе с санскрита означает «слушающий», «тот, кому проповедуют», т. е. последователь буддизма. Известно, что Будда любил это место и провел там много времени.

³ *Анантхапиндада* (Anāthapindada) — имя богатого домохозяина, ярого приверженца Будды.

⁴ *...учеников четырех категорий* — имеются в виду четыре общины приверженцев буддизма: миряне, мирянки, монахи, монахини.

⁵ *Ананда* (Ānanda) — племянник Будды и один из десяти любимых его учеников.

⁶ *...просветление через даяние* (dānā pāramitā) — один из шести или десяти видов просветления, позволяющего «перейти на тот берег», т. е. удалиться от мира треволнений и приблизиться к нирване.

⁷ *Кальпы* (Kalpa) — большие временные периоды, проходящие от появления до уничтожения одного из бесчисленных во времени и пространстве миров. По буддийским представлениям, время состоит из бесчисленного ряда кальп. Кальпы подразделяются на большие и малые.

⁸ *Прагьякабудды* (Pratyekabuddha) — категория будд, приходящих к прозрению своим путем, без наставника; обретая совершенную мудрость и знания, не открывают их миру.

⁹ *Архат* (arhat) — тот, кто достиг последней, четвертой ступени святости на пути к нирване, т. е. состоянию, позволяющему прервать путь сансары (круговорота жизни и смерти).

¹⁰ *...лил воду на руки монахов* — обычай лить воду на руки служил символом завершения акта передачи собственности.

¹¹ *Таньтешань* (Dantaloka) — горы в одном из государств северной Индии. Известны именно благодаря факту пребывания там изгнанного из своей страны царевича Суданы. В переводе с санскрита их название означает «темные горы».

¹² *Семь сокровищ* (Sapta-ratnāni) — здесь имеются в виду семь видов драгоценностей: золото, серебро, лазурит (или ляпис-лазурь), агат, коралл, горный хрусталь (или жемчуг), рубин. Компоненты в этом наборе могут несколько варьироваться.

¹³ *Небо Трайястримшас* (Trāyastrimśās) — второй божественный мир; расположен на вершине горы Сюймишань (Меру). В центре — небо Индры, с каждой из четырех сторон по восемь небес, всего тридцать три. Отсюда и название, которое в переводе с санскрита значит «тридцать три неба». Повелителем этого мира является Шакра (Sakra). В легендах Ш. обычно изображается как добрый и справедливый властитель, однако он не лишен и многих недостатков: часто проявляет жадность, глупость, страх.

¹⁴ *Самадхи* (samādhi) — постижение внутренней сущности путем сосредоточения.

¹⁵ *Ачжоуто* — старое наименование Махамаудгальяяны, или Муляня (санскр. Maḥa-maudgalyāyana), первого из десяти главных учеников Будды Шакьямуни.

¹⁶ *Большая Колесница* (Mahāyāna) — один из трех основных способов достижения спасения, направленный на спасение всех живых существ. Это поздняя концепция буддизма, содержащая, помимо учения о нирване, учение о бодхисаттвах. Последние, являясь носителями всеобщей мудрости, и осуществляют спасение людей. Большую Колесницу иногда называют «лучшей колесницей», тем самым подчеркивая, что идеал Махаяны — преисполненность бодхисаттвы любовью и милосердием к страдающему миру — выше идеала

Хинаяны (Малой Колесницы), т. е. пути архата, достигающего просветления только ради самого себя.

¹⁷ *Беспрепятственное проникновение* — имеется в виду тот, кто наделен даром беспрепятственно летать по воздуху, одним из даров пяти проникновений, присущих Будде (остальные четыре: все видеть, все слышать, знать прошлые перерождения свои и чужие, знать мысли других).

¹⁸ *Травяное платье* — одеяние отшельника.

¹⁹ *Платье из оленьей шкуры* — одежду, изготовленную из шкуры оленя, носил Будда Шакьямуни, когда жил в горах. Отсюда значение сочетания как одежды отшельника.

²⁰ *...А звери обладают твоим сердцем* — фраза не совсем ясна. Возможное толкование: обращаясь к жене, царевич сравнивает заботливое отношение к их сыну обезьяны с материнской заботой.

²¹ Эта фраза, а также следующая за ней не совсем ясны. В частности, тому, что переведено словом «муж» (здесь и дальше), в оригинале соответствует «зять», что никак не согласуется с логикой контекста.

²² *Желтый Источник* — загробный мир.

²³ *Будда Дипанкара* (Dīpankara) — сияющий Будда, предтеча Будды Шакьямуни.

²⁴ Фрагмент текста от слов «Эти дети...» до «...кого бы послать» не очень укладывается в логику контекста: не совсем ясно, кому принадлежат эти слова. В реплику жены брахмана они включены предположительно.

²⁵ *Шуддходана* (Suddhodana) — отец Будды Шакьямуни, царствовавший в государстве Капилавасту.

²⁶ *Мая* ([Mahā]māyā) — имя матери Будды Шакьямуни.

²⁷ *Гопика* (Gopikā) — имя главной жены Будды Шакьямуни.

²⁸ *Рахула* (Rāhula) — старший сын Будды Шакьямуни от главной жены.

²⁹ *Девадатта* (Devadatta) — имя двоюродного брата Будды Шакьямуни.

³⁰ *Сундари* (Sundari) — имя главной жены младшего брата Будды Шакьямуни, которая ложно обвинила Будду в любовной связи с ней.
